Памяти Даниила Хармса

На Маяковского (Надеждинской)
сидит в квартире странный дядя,
с тоскою чёрной день-деньской
на улицу из дома глядя.
Но вопреки названию улицы
в душе у дяди нет надежды,
в буфете нет варёной курицы,
а в гардеробе нет одежды.
Одежда есть, но тоже странная:
пиджак короткий, бриджи, гетры.
У дяди внешность – иностранная,
таких теперь на километры
не встретится от Ленинграда.
Война вступила в третий месяц,
реальной кажется блокада,
она близка, хоть плачь, хоть смейся.
Но дядя попросту боится,
разоблачения ждёт, как шулер.
Его страшат чужие лица,
ведь он закончил Петришуле,
язык там выучил немецкий
и говорит на нём свободно.
Не так, как гражданин советский.
Он – не советский, кто угодно.

Чужой внутри, чужой снаружи.
Глаза запали, как у мумии.
Не хочет в руки брать оружие,
и симулирует безумие.
Свои высказывая страхи,
и сея панику в народе,
сам приближается он к плахе
ещё пока что на свободе.
Неосторожные беседы
средь непроверенных знакомых
порой несут с собою беды:
решётку, камеру, оковы.
Нет шансов у ОБЭРИУта,
по нём звенит дверной звоночек.
Обыщут дом, всё отберут и
утащат до последних строчек.
Непонятый и гениальный
писатель северной столицы,
окончит жизнь на Арсенальной
в психиатрической больнице.
А после реабилитации
(сам Хармс писал на темы эти)
его стихами наслаждаться
мы будем, как и наши дети.

Санкт-Петербург